

СТЕНА И ГОРОД: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМИОТИКА ВООБРАЖАЕМОГО ПОЛИСА

Р. В. Светлов

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия
spatha@mail.ru

К. П. Шевцов

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной
службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской
обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия
shvkst@gmail.com

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 18-78-10001-П
«Образовательное пространство и антропопрактики
античного и современного города»

Исследуются проекты обустройства и преобразования города на примере философской утопии Платона и градостроительных инноваций Гипподама, архитектора V века до н.э. В основе этих проектов лежит определенное представление о природе Города, причем формируют его не только общие рассуждения о потребностях людей и городской общины в целом, но и вполне материальная форма устройства города, которая выступает в данном случае медиумом городской само-репрезентации. В статье была поставлена задача раскрыть природу такого медиума и показать, как именно осуществляется работа медиации. С точки зрения авторов, одним из важнейших медиумов городской само-репрезентации является городская стена. Она не образует центр в отличие от храма или дворца, она вынесена вовне, однако ее присутствие пронизывает город насквозь, придает наличность и зримость единству города, его неразделимому целому, сложенному из множества элементов, и его принуждающему закону, подобному твердости камня и тяжелой кладке стены, гарантирующим безопасность городского пространства. Стена разделяет и сталкивает друг с другом тождественное и иное, единое и многое, небесное и земное, мужское и женское, она защищает не только правителей и горожан, но и их богов от враждебных соседей; наконец, она обладает и своеобразной властью, поскольку, выступая вовне, превращает внешнее пространство в собственность Города, в его строй и законы. В «Государстве» Платона стена отмечает собой границу разворота души от существования в мире теней к познанию себя и к движению по направлению к свету. В знаменитой «сетке Гип-

подама» мы находим геометрическую правильность порядка улиц как продолжение социального устройства и воспитательного воздействия закона и порядка на граждан города. При этом порядок задан не только соотношением параллельных и перпендикулярных улиц, но и замкнутостью пространства, гарантированной городской стеной, поскольку только в этом случае потенциальная бесконечность линий и пустота пространства подчиняются правильному соотношению предела и беспредельного, полного и пустого, бытия и ничто. Именно в этом соседстве искусственной организации внутреннего пространства и внешнего предела, установленного стеной, находит свое выражение противоречие, порождающее внутреннюю динамику города и состоящее в том, что граница города мобилизует и сосредоточивает силы, которые не могут удерживаться этим пределом и стремятся к бесконечному расширению. Стены диктовали новое пространство жизни, пребывание в котором требовало новых навыков, привычек, новой структуры сознания. Все это требовало и новых воспитательных практик: дидаскалии и палестры могли возникнуть только в греческих городах, но не в греческих селениях «темных веков».

Ключевые слова: город, власть, стена, медиум, Платон, Гипподам, Гипподамова сетка

THE WALL AND THE CITY: EDUCATIONAL SEMIOTICS OF AN IMAGINARY POLIS

Roman V. Svetlov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
spatha@mail.ru

Konstantin P. Shevtsov

Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation
shvkst@gmail.com

The article was supported by the Russian Science Foundation,
Project No. 18-78-10001-P

The article explores the projects of urban development and transformation on the example of Plato's philosophical utopia and urban planning innovations of Hippodamus, an architect of the 5th century BC. These projects are based on a certain idea of the nature of the City, which is formed not only by general considerations about the needs of people and the urban community as a whole, but also by a completely material form of the city's structure, which in this case acts as a medium of urban self-representation. In the article, the

objective was set to reveal the nature of such a medium and show exactly how this medium performs the work of mediation. The authors argue that one of the most important mediums of urban self-representation is the city wall. It does not form a center unlike a temple or a palace; it is located outside, but its presence permeates the city, gives existence and visibility to the unity of the city, its inseparable whole composed of many elements, and its compelling law similar to the hardness of stone, guaranteeing the safety of the urban space. The wall divides and collides with each other identical and different, one and many, heavenly and earthly, male and female; it protects not only kings and citizens, but also their gods from hostile neighbors; and, finally, it has a kind of power because, acting externally, it turns the outer space into the property of the City, into its system and laws. In Plato's Republic, the wall marks the boundary of the soul's reversal from existence in the world of shadows to self-knowledge and movement towards the light. In the famous grid of Hippodamus we find the geometric correctness of the order of streets as a continuation of the social structure and the educational impact of law and order on the citizens of the city. At the same time, the order is given not only by the ratio of parallel and perpendicular streets, but also by the closeness of space guaranteed by the city wall, since only in this case the potential infinity of lines and the emptiness of space obey the correct ratio of the limit and the unlimited, the full and the empty, being and nothing. It is in this neighborhood of the artificial organization of the inner space and the outer limit set by the wall that the contradiction that generates the inner dynamics of the city finds its expression and consists in the fact that the border of the city mobilizes and concentrates forces that cannot be held by this limit and strive for infinite expansion. Walls dictated a new space of life, the stay in which required new skills, habits, a new structure of consciousness. All this also required new educational practices: didascaliae and palaestras could arise only in Greek cities, but not in Greek villages of the "dark ages".

Keywords: city, power, wall, medium, Plato, Hippodamus, Hippodamus's grid

DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-79-98

Город рожден беспокойством, справиться с которым помогает нервный ритм его жизни, чередующий периоды расширения и сжатия, внимания то к внутреннему, то к внешнему, выброса вовне и собирания в запутанной сетке внутреннего пространства, в лабиринте городского бессознательного. Город порожден сквозным конфликтом общественного и частного, внешнего и внутреннего, умножающим границы ради их последующего снятия и преодоления. Этому разделению в греческом мире соответствует различие понятий *polis* и *oikoi*, в римском – *urbs* и *civitas*. Полис – сфера общих

интересов, он возникает только тогда, когда уже сформированное сообщество опознает себя и отделяет себя от своих соседей [Фюстель де Куланж 2010, 134], но опорой этого сообщества остаются частные домовладения (*oikoi*), занятые своим хозяйством и материальным воспроизведением. Аналогично и латинское слово *urbs* обозначало материальную основу города, прежде всего здания, сосредоточенные внутри городских стен¹. И если для городской общины установление и удержание собственной границы является необходимым условием, то процесс урбанизации, или материальное расширение города, не считается с подобной границей и в конечном итоге разрушает ее или сводит к разряду простого символа, знакового места вроде потерявшихся во времени крепостных стен или древних городских ворот в центре современных мегаполисов.

Если основание городов когда-то требовало обряда проведения первой борозды и жертвоприношения, чтобы община обрела освященную территорию и жила под покровительством своих богов, то, по-видимому, именно эта граница с первого дня стала свидетелем непрерывного самоутверждения и разрушения города, собирания в себе и распада вонне. Первая борозда отмеряла внутреннее пространство, и городская стена, основание которой уходило в раскрытую этой бороздой землю [Фюстель де Куланж 2010, 138], давала не только защиту, но и связь с внешним пространством чуждого, которое ровно так же вглядывалось в город, как сам город вглядывался в себя. Поскольку мы будем говорить в этой статье о том, как виделись проекты обустройства города и, следовательно, способы знания городом себя, из традиционного, не-философского мышления, нам стоит начать с рассмотрения того особого медиума, который связывает жизнь города с его иным – разрушением и смертью. Таким медиумом и является исходно городская стена. Она не образует центр в отличие от храма или дворца; напротив, она вынесена вонне, хотя ее присутствие пронизывает город насквозь, поскольку

¹ Латинское слово *urbs* обозначало “город”, отличаясь по смыслу от греческого слова *polis*. Понятие *urbs* указывало на саму материальную составляющую города. В принципе, *urbs* называли все здания, сосредоточенные внутри городских стен, без каких-либо политических оценок. Если *polis* создавался на основе уже существующего непрявленного сообщества, то *urbs* ни с какими сообществами связан не был, а потому мог строиться *ex novo*, с чистого листа, подобно обычному дому. Таким образом, мы можем утверждать, что понятие *urbs* описывает простое условие наличия защищенного пространства для совместного проживания, по принципу устройства подобного частного дому с его материальными нуждами. Если греческий *polis* был городом, строго ограниченным своими стенами, то римский *urbs* не подразумевал границы и на деле расширялся, превращаясь в территориальное образование, в котором решающую роль играли дороги» [Аурели 2014, 26].

обнесенный стеной храм является в конечном счете пустым центром, где должны поселиться боги, тогда как стена придает наличность и зримость единству города, его неразделимому целому, сложенному из множества элементов, и его принуждающему закону, подобному твердости камня и тяжелой кладке стены, гарантирующим безопасность городского пространства².

Возведение стены служит целям защиты, но очевидно и другое назначение этого сооружения. Вспомним, что в «Илиаде» ахейцам не удается взять «крепкостенную» (εὐτείχεος) Трои; впрочем, нам вообще не известно о штурме ее стен (в отличие от штурма троянцами временного укрепления, возведенного греками вокруг кораблей), потому что все противостояние разворачивается перед стенами города, которые в этом случае служат не столько защитой, сколько символом мощи и величия, возвышенной сценой, необходимой для демонстрации могущества троянского царства и его воинства. Стена Илиона, созданная Аполлоном и Посейдоном, принадлежит иному миру, поэтому ее разрушение требует знания, хитрости и расположения богов. Ахейцы проникают за стену обманом, неузнанными и незамеченными, под покровом ночи, как Зевс проникает в покои Семелы, Гиг к лидийской царице, как Эрот приходит к Психее. Падение городской стены, как и падение самого Приамова царства, невозможно без воли олимпийцев, потому что Стена является символом их собственной власти, разделившей союз Геи и Урана, земли и неба.

Льюис Мамфорд связывал с феноменом города рождение совершенно новой исторической силы – власти [Мамфорд 2001, 219], которая действует как накопление и мобилизация всех ресурсов, как могущество, опознающее себя в избыточности силы, богатства, пространства и времени (истории и вечности). Властвуют бог и царь, разделенные или соединенные в одном лице; что же касается городской стены, то она, защищая царя и богов от их враждебных соседей, занимает совершенно особое место в этом новом мире: она умножает Власть, поскольку, выступая вовне, превращает внешнее пространство в собственность Города, в его строй и законы, в его беспокойство и агрессию, направленную на врагов и собственных граждан. Стена разделяет и сталкивает друг с другом тождественное и иное, единое и многое, небесное и земное, мужское и женское. Эти мотивы звучат уже в древнем эпосе о Гильгамеше. Царь города Урук, на две трети бог и лишь на треть человек [Дьяконов

² «Стены есть крепость коллективного тела, противостоящего силе движущейся, разрушающей, утверждающей господство горизонта, степи, простора и воли» [Савчук 2022, 57].

2006, 7], строит стену вокруг города, чтобы возвеличить его и показать собственное могущество. Пока горожане целыми днями возводят стену, он развлекается с их женами; тем самым стена становится сценой учреждающего государственного акта, в котором Гильгамеш и Урук выступают в роли мужского и женского начал. В женщине не только слабость, но и сила города. Жалобы горожан побуждают богов создать могучее существо Энкиду, человека-животное, в котором собрана вся сила природы, чуждая духу Города. Энкиду должен победить Гильгамеша, но хитрость Города проявляется в том, что он посылает блудницу Шамхат, которая делает из Энкиду мужчину и тем самым ослабляет его настолько, что его сила теперь равна силе Гильгамеша. Отныне внутреннее и внешнее, Город и Природа уравновешены, деспотическая власть обретает свое место в мире и видит свою высшую цель не в подчинении народа, а в изменении его удела, обретении бессмертия.

В этом эпосе, вобравшем в себя размышления о природе Власти всего древнего Междуречья от шумерского Урука до Вавилона и Ассирии, Стена образует хребет истории, поскольку не только возносит Гильгамеша, но и разделяет мир людей и богов. Строго говоря, власть любого царства должна опираться на Стену, будь то непроходимая стена ливанских кедров или стена гор, отделяющих от мира людей страну мертвых. Когда богиня Иштар исполняется вожделием к Гильгамешу, она встречает отказ и насылает огромного быка, убивающего жителей города; но стоит Гильгамешу и Энкиду победить чудовище, Иштар не может спуститься со стены, не может сама войти в город и подчинить своей силе героя [Дьяконов 2006, 44]. Этот сюжет представляется центральным во всей истории. Иштар – богиня любви, рождения, а потому и смерти, ее страсть забирает жизнь и обещает новую жизнь в циклической смене рождения и умирания. Отказ Гильгамеша ведет к мести, и боги забирают жизнь Энкиду, но эта смерть человека природы уже не обещает возрождения, – наоборот, ему выпадает пережить все отчаяние смертной тоски и признание необратимости смерти. Город рождает смерть в собственном смысле, а тем самым и поиск бессмертия, которое может принадлежать только самому Городу. Стоит вспомнить, что имя «Вавилон» означает «врата бога», и главным воротами Вавилона были как раз ворота, посвященные богине Иштар. Гильгамеш, отказавший богине, должен все же отправиться в мир мертвых, то есть умереть и вернуться, чтобы принести городу тайну бессмертия, потому что отныне именно Городу, а не природе, принадлежит время жизни и смерти, и вечность, кото-

рая, как стена, опоясывает мир, направляя по кругу ход времени.

Город – образ Вселенной, таким он был для жителей Вавилона, и в его центре поднимался до неба зиккурат, семь ярусов которого, выкрашенных в разные цвета, символизировали небесные светила³. Геродот рассказывает, что столицу Мидийского царства Акбатаны окружали семь колец стен разного цвета – белые, черные, желто-красные, темно-синие, оранжево-красные, посеребренные, позолоченные (Herodot. Hist. I 98) – еще один образ небесного устройства. Это значит, что и сам Космос представляет собой вечный Город, обнесенный стеной. Стоит с этой точки взглянуть на защитные небесные сферы, формирующие тело пифагорейского и платоновского Космоса. У Космоса нет внешнего врага, от которого спасают стены, однако в нем самом, как рассказывает Платон в «Тимее», сталкиваются и противостоят друг другу начала тождественного и иного, причем хора, пространство, окружающее город, оказывается внутренним пространством разделения, женским началом, рождающим и убивающим, скрывающим в своем лоне умерших, как это произошло однажды с древними Афинами и Атлантидой, если представить, что для Космоса как большого Города великие города прошлого и настоящего являются его гражданами.

Вольно или невольно на модели города может строиться государство большего, имперского масштаба – мы имеем в виду не социальные и властные практики, но саму его визуальную архитектонику. Когда рост государства завершается на границе с чуждой территорией, которую невозможно поставить под контроль, территорией варварства и хаоса (будь то пустыни Великой Степи, Северной Аравии и Сахары, леса и пустоши Шотландии и Германии), появляются стены. Цари Третьей династии Ура строили такую стену на Западе, пытаясь обезопасить себя от аравийских кочевников-амореев. Цинь-ши-Хуан-ди приказал разрушить стены, возведенные между завоеванными им китайскими царствами, но направил усилия своего государства на строительство северной стены, получившей имя Великой Китайской и ставшей символической границей между сферой культурной оседлой жизни и областью кочевого варварства. Символической, поскольку ее протяжение не

³ «Вавилонский зиккурат представлял сооружение высотой около 90 м, на вершине которого располагалось покрытое голубой глазурью святилище Мардука. Семь ярусов вело к этому святилищу. Нижний ярус был светлый, второй ярус высотой 18 м был черного цвета. Верхние ярусы чередовались по цвету – красный, синий, красный, серебристый и голубой с золотом. Все эти цвета соответствовали символическому обозначению небесных светил» [Саваренская 1984, 37].

позволяло использовать ее как надежное и непреодолимое фортификационное сооружение: кочевники регулярно прорывались через нее, как только начинали свои походы «всерьез». Но с символической точки зрения стена была очень важна – как для внешних (здесь начинается иной мир, мир закона и вполне объективного, видимого порядка), так и для внутренних (предел Космоса перед царством Хаоса). Вероятно, не только прагматический, но и символический характер имеет строившаяся Трампом стена на границе США и Мексики, разделяющая либеральный порядок «государства права» и варварский латиноамериканский хаос, пытающийся, словно манихейская Материя, прорваться в «царство света», реализовать свои одновременные зависть и ненависть к нему.

Римские валы и стены Траяна, Адриана, Антонина Пия, ставшие важнейшей частью *Limes imperii Romani*, также представляли собой не только пограничную фортификацию, служившую защитой от набегов отдельных разбойничьих шаек, базой сбора войск для противостояния варварам, таможенной границей и т.д. Это были символические стены Порядка, который преодолел Хаос, вытеснил его во внешнее пространство. В каком-то смысле это были стены Рима, вынесенные за тысячи километров от него, стены Города, который стал Миром. И лишь когда варвары прорвутся через лимес, вновь станет актуальным вопрос об укреплениях Вечного Города. Император Аврелиан как бы вернет внешние стены назад, создав городские стены, сохранившиеся до настоящего момента. Но и после этого *Limes imperii Romani* был наглядным уроком, визуальной педагогией для всех, кто к ним приближался.

Своеобразный символизм Стены можно обнаружить в «Государстве» Платона, где, казалось бы, нет и речи ни о городских стенах, ни о материальном устройстве города в целом. Очевидно, что для философа идеальный полис – это граждане, занятые делами соответственно своей природе и воспитанию. Если стена должна противостоять опасности, то она не более чем материализация идеального эйдоса стражей как носителей яростного начала. Однако в определенном контексте Платон все же говорит о стене, и это та самая стена (τείχος), которая находится за спинами узников в знаменитом мифе о пещере. Напомним, что узники, сидя спиной к этой стене, видят отражения предметов, которые некие люди проносят над ней. Более того, они и самих себя видят в качестве теней (RP 515 a), и это значит, что их положение неотлично от бесплотных теней умерших, которые так же пребывают под землей в мире мертвых, как в некоей пещере. Итак, эта стена отделяет миры живых

и мертвых, внутреннюю сферу света и внешнее пространство мрака и теней. Поскольку Сократ ведет речь о принципах справедливого государства, историю узника, которого расковали и вывели из пещеры к свету дня, стоит понимать не иначе, как переход из дикой жизни в пространстве хоры (подобной жизни циклопа Полифема) к жизни внутри городских стен и законов полиса. Бесплотная тень здесь обретает тело, чтобы укрепить душу и лишь затем выйти за границы города и тела, что, видимо, предполагается завершением платоновского мифа.

Появление стены внутри пещеры должно выглядеть немного странно, потому что рассказ о тенях, отбрасываемых невидимыми людьми и предметами, и без этого создавал бы картину безрадостной участи узников. Платон сравнивает эту стену с ширмой, за которой фокусники прячутся на время кукольного представления, но очевидно, что речь идет не только о формах политического театра вроде игры риториков и софистов разных мастей, но и о более общей панораме городской жизни, если судить по тому, что люди за перегородкой проносят «статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева» (RP 514 b). Это похоже на описание городских празднеств, посвященных Афине или Дионису, особенно если учесть, что беседа Сократа с друзьями проходит во время праздника еще одной богини – фракийской Бендиды. Перегородка символизирует городскую стену, и в этом символическом качестве ее можно сравнить с перегородкой, о которой повествует Критий в одноименном диалоге, рассказывая о месте обитания стражей.

Напомним, что в этом тексте перед нами возникает образ древних Афин, которые, по мнению Крития, ничем не отличаются от идеального полиса, описанного Сократом, с той разницей, что речь идет о воплощении идеала, о его вполне материальном присутствии. Критий сообщает об акрополе, имея в виду, по-видимому, естественное возвышение, на котором располагается город, а не систему укреплений, однако в самой верхней части акрополя мы находим некое подобие стены, ограду, за которой в уединении «селось вокруг святилища Афины и Гефеста обособленное сословие воинов» (Crit. 112 b). Платон описывает не стену как атрибут Власти, а идеальную перегородку, необходимую для уединения, то есть для защиты от внешнего как причины рассеянности души, привязанности к инаковости и становлению. Все остальные жители Афин находятся вне этой ограды, на склонах возвышенности, поэтому их взгляд направлен вниз, как направлен к теням на стене

пещеры взор узников.

Идеальная стена подобна простой линии, прочерченной на земле, чтобы дать душе опору для обращения к истинному знанию (вроде чертежа, который, как предполагается, набрасывает Сократ перед глазами мальчика-раба в диалоге «Менон»). Иначе обстоит дело со стенами, опоясывающими острова Атлантиды. Критий рассказывает о каменных стенах с башнями и воротами, причем для их постройки используется камень белого, черного и красного цветов; кроме того, «стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности обделали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену акрополя – орихалком, испускавшим огнистое блистание» (Сrit. 116 с); наконец, в самом средоточии акрополя стоял храм Клейто и Посейдона, обнесенный золотой стеной. Поскольку Платон изображает Атлантиду как ряд островов, окружающих кольцами центральный остров, он и стену разбивает на ряд охватывающих друг друга колец наподобие укреплений Акбатан. Однако никакого соответствия порядку небесных светил здесь нет, поскольку речь идет об украшениях, которые создаются забавы ради. Цари, которые выстроили свой дворец на месте обиталища бога, не пытаются сохранить полученное от бога наследство в неизменном виде, а, наоборот, стремятся превзойти один другого в блеске и величии.

Афины и Атлантида – два оттиска идеального устройства, но они возникают как бы по разные стороны Стены, устанавливающей границу внутреннего и внешнего, тождественного и иного, власти, которая руководится истинным знанием, и власти, которая одержима лишь накоплением могущества и богатства, избытком различения, которое самоубийственно возносит потомков над предками, а людей над богами. Как показал Пьер Видаль-Накэ, образ Атлантиды позволяет Платону противопоставить древним Афинам современные ему Афины, аскетическому городу материка – богатый и развращенный город современных ему «атлантистов», живущий морской торговлей и опирающийся на военный флот [Видаль-Накэ 2001, 294]. Неслучайно «Критий» отсылает к «Государству» и беседе Сократа с друзьями в Пирее – портовом пригороде Афин, соединенном с ним в одно целое благодаря построенной Периклом стене. Это и есть максимально вынесенная вовне (в море) граница города, по ту сторону его подлинной границы, идеальной стены, которая остается за спиной узников – нынешних граждан некогда великого города.

Примером для Платона, оставившего совершенный полис без

защитных стен, могла быть Спарта. Горделивые слова лакедемонян, сохранные Плутархом, позволяют думать, что для них как будто распались мужское и женское начала Стены, и если первое было присвоено исключительно строю гоплитов, то второе досталось городу, обнесенному укреплениями. Плутарх рассказывает, что царь Агид, осмотрев стены Коринфа, сказал: «Женщины что ли живут в этом месте?» (Plut. Arophetegm. Lac. V 6). Агесилай сказал о высокой стене: «Клянусь Зевсом, стена прекрасна, но ей следует опоясывать город, где живут не мужчины, а женщины» (Plut. Arophetegm. Lac. II 35). Платон допускает женщин в ряды стражей, но само по себе это не противоречит спартанскому взгляду, поскольку различие мужского и женского начал имеет для него более радикальный смысл: мужчины-горожане могут быть в большей мере женщинами, чем женщины-воины.

Отсутствие стен у Спарты могло быть связано с ситуацией, в которой Лакедемон оказался после Мессенских войн и которую Юрий Викторович Андреев охарактеризовал как разворот к архаизации социальной жизни [Андреев 2003, 369]. Присвоив себе соседние земли, полис спартиатов стал своего рода государством без города, чья политика постоянно должна была направляться вовне, тогда как в самом полисе её заменили дисциплина, контроль и регламентация всех сфер жизни. Присвоив себе соседние земли, полис спартиатов стал государством, чья политика в большей степени была направлена вовне собственно Спарты, то есть государством без города. Главным объектом давления со стороны спартанцев, как известно, становятся илоты, как и любые потенциальные их сторонники вовне. Тотальность контроля обеспечивается тем, что стен нет, нет разделения на «лакедемонское» и «илотское», полис без стен пребывает повсюду.

С точки зрения военно-политической прагматики отсутствие укреплений в античном мире, когда война была настолько повседневным явлением, что превратилась у Гераклита в один из мировых принципов, кажется нонсенсом. Действительно, «классический» Лакедемон был государством, построенным на эксплуатации илотов, этих полурабов-полукрепостных, большинство из которых были мессенцами, готовыми при удобном случае восстать, дабы вернуть себе независимость. Пелопонесский союз, который Спарта начала выстраивать еще в конце VI века до н.э., подразумевал безусловную автоматическую помощь Лакедемону со стороны союзников в случае восстания илотов. То есть спартанцы прекрасно понимали, что в каком-то смысле, если нам дозволено исполь-

зовать анахронизм, они сидят «на пороховой бочке». И однажды это произошло: в 465 году до н.э., после разрушительного землетрясения, повлекшего большие жертвы среди спартиатов, илоты направились на Спарту, и лишь энергия царя Архидама, сумевшего собрать боеспособную армию, уберегла город (Diodor. Bibl. hist. XI 63–64). Во время Беотийской войны фиванский военачальник Эпаминонд дважды подходил к Спарте (369 и 362 годы до н.э.), но по ряду обстоятельств дело до настоящего штурма не дошло (Xenoph. Hellenica VII 5.11). Наконец, в 273 году до н.э. Спарту штурмовал Пирр Эпирский. Описывая это штурм, Плутарх говорит о рве, защищавшем наиболее уязвимые подходы к городу, и о колесницах, вкопанных на его флангах, в качестве защиты от слонов. Но ров этот был создан прямо перед началом штурма, следовательно, никаких фортификационных укреплений Спарта даже во времена войн диадохов и эпигонов, самого богатого на конфликты исторического периода Эллады, не имела (Plut. Vit. parall. Pyrrhus 27).

Во время битвы при Фермопилах, как ее описывает Геродот, греки во главе со спартанским царем Леонидом тоже сражались в теснине перед стеной, закрывавшей проход. Тактические детали происшедшего являются предметом споров историков военного искусства. Вероятно, стена не воспринималась как реальная защита прохода. Однако в том мифологическом «пеплуме», который возник вокруг подвига Леонида и трехсот спартанцев, битва перед стеной, которую – видимо, как тыловую позицию – обороняла лишь малая часть греческого ополчения, могла выглядеть как проявление нормативного *esprit spartiate*.

Город, которому стены не нужны, славен своими хранителями, то есть своей армией. Уже цитировавшийся выше Плутарх приводит лакедемонские афоризмы и на эту тему. Спартанец Анталкид говаривал, что стены Спарты – это ее молодежь, а границы – наконечники их копий (Plut. Arophthegm. Lac. XIV 7). Царь Агесилай точно так же в ответ на вопрос о защитных сооружениях Спарты указал на ее вооруженных граждан: «...вот ее стены» (Plut. Arophthegm. Lac. II 29).

У феномена «бесстенной Спарты» могут быть разные исторические и культурные объяснения, помимо реального военного авторитета спартанцев. Стены – признак урбанистического мира с его торговлей, ремесленной промышленностью, тягой к роскоши и излишкам. Их отсутствие символически указывает на другую, «ликурговскую» жизнь и земледельческую экономику, свойственную спартанскому государству.

Но есть и ещё один, уже указанный выше «гендерный» аспект

оценки спартанцами укреплений других городов. Отсиживаться под защитой стен – это не просто признак недостатка мужества, но черта, прямо с их точки зрения характеризующая «феминность» населения таких городов. Если мы можем условно назвать город домом для населяющих его граждан, то, как известно, именно женский образ жизни в тех же античных Афинах был закрытым и «домашним». Это очень хорошо демонстрирует Аристофан в своей «Лисистрате»: женщины, которые хотят вынудить своих мужей прекратить войну, захватывают Акрополь, который вынуждены осаждать мужчины. Осада превращается в образ энергичного ухаживания, которое в случае Аристофана завершается на условиях осажденных женщин. Но когда побеждает осаждающий, захват городских стен становится прологом насилия над побежденными – и это насилие также может быть рассмотрено в семантике гендерных отношений. Стена (τείχος) в этом случае – женское начало. Вопреки установившемуся еще с XIX столетия представлению о том, что предел и мера в греческом сознании связаны с мужским принципом, который останавливает и оформляет принцип женский, в описанном контексте стена в лакедемонской семантике приобретает феминный характер.

Для Платона, очевидно, политический строй Спарты, так называемая тимократия, был интересен именно тем, что отмечал собой первый шаг отклонения от наилучшей формы правления – аристократии. Недостаток тимократии заключается не столько в изменении способа устройства полиса, сколько в порче самой природы человека, которая больше не делает своим приоритетом образование и обучение мусическим искусствам, в силу этого его жизнью начинают править вражда и раздор, законы гесиодовского железного века. Применяя это рассуждение к Спарте, можно было бы сказать, что Спарта может существовать без стен только потому, что она и так существует внутри раздора, не отделяя себя от него ни городскими стенами, ни идеальной стеной, обращаемой к началу истинного знания и божественной власти.

Стены древних Афин и Атлантиды образуют как бы развилку Знания и Власти. В идеальном государстве власть подчиняется богу или философу – знатоку божественных вещей; в любом другом государстве власть подчиняет себе все, в том числе и знание. Впрочем, власть невозможна полностью без знания, но и знание невозможно без власти, причем не только в государстве, но и в отдельной душе, поскольку и в ней есть множество частей, которые должны быть подчинены единству разума. В отличие от Парменида Платон мыс-

лит бытие как единство одного и иного, тождества и становления, как целое, нерушимость которого подобна стене, состоящей из множества подогнанных друг к другу элементов. Очевидно, стена является не просто внешним символом, но и внутренней опорой мышления, позволяющей устанавливать и удерживать различия, связывать одно с другим и рассматривать связанное с разных сторон, как этого требует самая замысловатая диалектическая игра. Сама по себе стена не мыслит, не властвует и не разделяет, но она задает определенную форму, в которой город узнает и начинает мыслить себя.

Мы можем связать в мысли только то, что прежде сами же разделили. Так, звуки связываются в слоги и слова, когда они артикулированы и разделены, письмо связывает присутствие с отсутствием, поскольку изначально отмечает их разделение, один акт связывается с другим в единстве сознания, если прежде удастся придать ему определенность начала и завершения. Мы можем связать и то, что было разделено кем-то или чем-то другим, если нам самим удастся пройти путь разделения, принять и повторить его. Собственно, медиум и есть то, что позволяет нам пройти этот путь, разделяя и связывая, и, с одной стороны, всегда есть искушение свести его к прозрачности некоего самостирания (разделения-соединения) как это делает Гегель в отношении звуковой стихии речи [Гегель 1977, 295], с другой стороны, стоит прислушаться к Платону, который первым указал на опасность и непрозрачность такого медиума, как письмо. Очевидно, медиуму присущи оба эти начала: подкупающая «естественность» и прозрачность и своя собственная игра, не прямой путь отражения в предмете. Стена как раз и выступает в роли медиума Власти, соединяющего общество в единство города и государства. Она разделяет свое и чужое; камень, из которого она сложена, гарантирует неприступность границы жизни и смерти; кладка, не знающая зазоров, воплощает мощь коллективного действия и властного решения, устанавливающего эту границу как условие закона и порядка. При этом стена как медиум – это не только образование из камня и кирпичей; по крайней мере, в текстах Платона мы видели, как она приобретает статус идеальной границы, условной и при этом необходимой как внутреннее расположение и устройство души, как разделение и равенство разделенного, устанавливающего законы внутреннего пространства, будь то живое пространство или пространство геометрии. Так мы приходим от формы знания города к проектам его преобразования, создающим новые способы жизни и новые символы Города и Власти.

Впрочем, если говорить о реальности, а не о проектах, то у Пла-

тона и Аристотеля так и не появилось возможности построить совершенный город «с чистого листа». Деметрий Фалерский, правивший 10 лет Афинами, воплощал там какую-то иную программу, чем ту, которую сформулировал в «Политике» Стагирит. Многочисленные «Александрии» Александра Великого были гарнизонными городами (за исключением египетской, но и она имела конституцию, отличающуюся от той, что предлагалась в «Политике»), а создание «Каллиполиса» Плотином при императоре Галлиене так и не состоялось. Пожалуй, наиболее удачным проектом в этом смысле стало создание выходцами из Ликия «общины ученых» в виде александрийского Мусейона.

Однако еще до Платона и Аристотеля жил Гипподам Милетский, который создал одну из первых политико-правовых доктрин и к тому же был архитектором-градостроителем, первым, сознательно использовавшим принципы регулярной планировки. Хотя Аристотель подверг суровой критике построения Гипподама, современные ученые все чаще обращают внимание на то, что эта критика имеет преувеличенный и даже гипертрофированный характер; что же касается законодательных идей Гипподама, то они находят параллели в более поздних правовых и политических реалиях (см.: [Hogan 1959; Paden 2001]).

С именем Гипподама связывают строительство Фурий в Италии, объединенного города Родос, Пирейской гавани в Афинах. Очень важным свидетельством о принципах его планировки может быть одно место из аристофановских «Птиц». Здесь, правда, Гипподам не упоминается; в числе бездельников, «помогающих помогать» при строительстве небесного града, оказывается геометр и астроном Метон Афинский. Однако большинство ученых полагают, что под именем Метона, никогда не занимавшегося градостроением, все-таки скрывается Гипподам. Метон / Гипподам предлагает строить город так, чтобы круглый небосвод оказался превращен в квадрат (решая задачу квадратуры круга), в центре которого находится округлая рыночная площадь. От нее расходятся прямые улицы (Aristoph. Aves 995–1009).

Как это соотносится с реальными проектами Гипподама, которые опирались на четкое расположение улиц под прямым углом друг к другу, сказать сложно. Скорее всего, Аристофан сознательно смешивает и интерес Метона к астрономии, и стремление Гипподама к геометрической простоте. Но можно определенно предположить, что Метон / Гипподам изгоняется из Тучекукуйска по двум причинам: во-первых, он типичный умник, которых Аристофан не

терпит, а во-вторых, Метон пытается круглое сделать квадратным. Криволинейное становится прямолинейным в проекте небесного города, расходящиеся из центра улицы позволяют обозреть его полностью. Возможно, Аристофан намекает на то, что нарушается само естество пространства, которое в обыденном опыте никак не выглядит прямолинейным.

Отметим «номенклатуру» прихлебателей, которые появляются перед Писфетером, как раз закончившим строительство небесного города. Вначале, во время религиозного обряда в честь основания города, изгоняется жрец – его молитвы и призывы выглядят слишком напыщенными. За дело берется сам Писфетер: обряд лишается таинственности и вычурности, становится по-крестьянски безыскусным, но, даже в условиях комедии, необходимым. Затем появляется стихоплет, обещающий написать поэму на создание Тучекукуйска (хорошо известная из античной истории традиция; см., например, информацию о поэме Ксенофана Колофонского в честь основания Элеи). Поэт нищ, оборван, но за рубашку и плащ готов прославлять город. Чтобы отвязаться от назойливого стихоплета, Писфетер дает ему одежду, и тот убегает, восхваляя Тучекукуйск. Куда менее удачлив прорицатель, тоже явившийся получить с создателей города хоть что-то. Он прерывает обряд, который проводит уже сам Писфетер, на ходу придумывает пророчество, требующее одарить его, но вынужден удалиться несолоно хлебавши. Наконец, появляется Метон / Гипподам. Услышав его предложения, Писфетер язвительно называет астронома / градостроителя «Фалесом» и сообщает, что его судьба будет подобна судьбам умников в Лакедемоне. Действительно, несчастного прожектера бьют и прогоняют из Тучекукуйска.

После Метона / Гипподама появляются еще «инспектор» (ἐπίσκοπος) и «торговец указами» (ψηφισματοπώλης), которые оказываются столь же неуместны для нового города. Зато когда Писфетер завершает обряд, к нему прилетает запыхавшийся вестник, дабы сообщить, что стены Тучекукуйска возведены.

Общая сатирическая линия этого фрагмента понятна: Гипподам под маской Метона оказывается среди тех, кто только мешает делу – в данном случае религиозному обряду, совершаемому ктистом-основателем. Как только все прихлебатели изгнаны, стены возводятся как бы сами собой – трудом не людей, но птиц. Писфетер действует со своей точки зрения вполне рационально: приносится в жертву козленок – воздвигаются стены. Аристофан не принимает геометрическую рациональность Гипподама как бессмысленную и бесполезную выдумку.

Между тем рациональность Гипподама базировалась на другой магии – магии числа и числовых соотношений. Его трехчастное разделение жителей полиса на профессиональные сословия, земли – по видам собственности, судебных дел – по содержанию исков – дублировалось в планировке совершенного города, где четыре продольных улицы пересекались с тремя поперечными, создавая 12 кварталов. Размеры улиц также подчинялись математической закономерности: ведущая магистраль относилась к главным и вспомогательным как $4 \times 2 \times 1$. В принципе, такую систему можно было масштабировать сколько угодно – но Гипподам полагал наиболее подходящим числом граждан полиса 10 тысяч человек (Arist. Polit. 1267 b).

Мы знаем, что – вопреки критицизму Аристофана, а позже и Аристотеля – Гипподам был успешным градостроителем. Да и аристотелевская критика его учения о совершенном городе, как полагают современные исследователи, была чрезмерной. Но его конституция, где структура города совпадала со структурой общества, нигде так и не была воплощена: лишь ее внешняя зрительная форма сохранилась в геометрической планировке Пирея, Родоса, Фурий. Тем не менее эта планировка мыслилась Гипподамом как воспитывающая граждан сила. Распределение различных «сословий» по трем улицам и соответствующим им кварталам в его концепции было не просто средством, упрощающим политическую и экономическую «логистику», но и распределением пространства города на различные «страты», подчиняющиеся законам геометрической логики. Человек, который вырос и был бы воспитан в таком «гипподамовом» городе, управлялся нормами, выработанными «геометрической магией», которая определяла бы все, в том числе привычные маршруты следования по улицам. А стены, охватывающие это внутреннее пространство, добавляют ему структурности и очевидности, не позволяя раствориться в земледельческом ландшафте. Разделение последнего на земли священные, частные и общественные дублирует общегородскую структуру, хотя уже не имеет такой четкой геометрической завершенности.

Аристотель, как известно, полагал, что «гипподамова система» строительства, несмотря на ее эстетическое преимущество, применима лишь в ограниченном режиме: прямые улицы не могут стать дополнительной преградой для врага, если тот преодолеет стены. В связи с этим он предлагал совмещение «естественной» планировки одних районов с гипподамовой других (Arist. Polit. 1330 b 24–35).

Первая позволяла запутать противника в хаотическом расположении улиц, возникавших по старинке (как это случилось с армией Пирра Эпирского во время его попытки захватить Аргос), вторая добавляла отдельным районам города красоту и строй. Возможно, подразумевалась внутренняя часть города, расположенная вокруг центральных культовых и административных зданий (их Аристотель полагал необходимым возводить на возвышенности – для наглядности этого городского района, видимо, как бы присматривающего за городом). К ней должна была прилежать площадь, но не классическая агора, где перемешивались дела торговые и политические, а специальное место, на которое не могут ступить ремесленники и торговцы, но лишь полноправные граждане города. Эта площадь как бы отделяла остальную часть города от его священно-административной части⁴.

В имеющихся у нас сведениях о «гипподамовой» системе нет информации о таком центре полиса; там воспитывающая чувство политического порядка магия геометрии пространства должна была действовать по-иному – через строгую планировку улиц. И это отнюдь не открытая структура, поскольку прямые и перпендикулярные линии улиц не стремятся в бесконечность, а, наоборот, должны быть замкнуты городской стеной. Только в этом случае сама геометрия пространства дает образец правильного соотношения предела и беспредельного, полного и пустого, бытия и ничто. Именно в этом соседстве искусственной организации внутреннего пространства и внешнего предела, установленного стеной, находит свое выражение исходное противоречие города, состоящее в том, что граница города мобилизует и сосредоточивает силы, которые не могут удерживаться этим пределом и стремятся к бесконечному расширению. Совершенно очевидно, что городская стена перестраивала сознание горожан, причем эта перестройка, как мы старались показать, имела многофакторный характер. Стены диктовали новое пространство жизни, пребывание в котором требовало новых навыков, привычек, новой структуры сознания. Все это требовало и новых воспитательных практик: дидаскалии и палестры могли возникнуть только в греческих городах, но не в греческих селениях «темных веков». И даже Спарта, этот «город без стен», своей изощренной воспитательной программой полагал их наличие, пусть и выраженное в ощетинившейся остриями копий фаланге. Обучение встраивало человека в новые, размеренные стенами социум и куль-

⁴ О совмещении традиционной и «гипподамовой» систем городского планирования см.: [Mazza 2009].

туру, сглаживало тревогу, но и поднимало ее на новый уровень, разрешаемый теперь в поиске ученых и философов, в творчестве трагических поэтов и скульпторов, в политических баталиях и конституционном строительстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев 2003 – *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (Гомеровский период). Избранные статьи. СПб.: Гуманитарная акад., 2003.
- Аурели 2014 – *Аурели П. В.* Возможность абсолютной архитектуры / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Стрелка, 2014.
- Видадь-Накэ 2001 – *Видадь-Накэ П.* Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире: пер. с фр. М.: Ладомир, 2001.
- Гегель 1977 – *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: пер. с нем. М.: Мысль, 1977. Т. 3: Философия духа.
- Дьяконов 2006 – Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем») / пер. с акад. И. М. Дьяконова. СПб.: Наука, 2006. (Литературные памятники).
- Мамфорд 2001 – *Мамфорд Л.* Миф машины: техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М.: Логос Σ, 2001.
- Саваренская 1984 – *Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства: рабовладельческий и феодальный периоды. М.: Стройиздат, 1984.
- Савчук 2022 – *Савчук В. В.* Забор как равновесие сил. СПб.: РХГА, 2022.
- Фюстель де Куланж 2010 – *Фюстель де Куланж Н. Д.* Древний город: религия, законы, институты Греции и Рима / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2010.
- Hogan 1959 – *Hogan J.* Hippodamus on the best form of government and law // *The Western Political Quarterly.* 1959. Vol. 12 (3). P. 763–783.
- Mazza 2009 – *Mazza L.* Centenary Paper: Plan and constitution – Aristotle’s Hippodamus: towards an “ostensive” definition of spatial planning // *Town Planning Review.* 2009. Vol. 80 (2). P. 113–141.
- Paden 2001 – *Paden R.* The two professions of Hippodamus of Miletus // *Philosophy & Geography.* 2001. Vol. 4 (1). P. 25–48.

REFERENCES

- Andreev, Yu. V. (2003). *Rannegrecheskiiy polis (Gomerovskiy period). Izbrannyye stat'i* [Early Greek polis (Homeric period). Selected articles]. Gumanitarnaya akademiya.
- Aureli, P. V. (2014). *The Possibility of an Absolute Architecture*. Strelka Press. (In Russian).
- Fustel de Coulanges, N. D. (2010). *The Ancient City. A Classic Study of the Religious and Civil Institutions of Ancient Greece and Rome*. Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Hegel, G. W. F. (1977). *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften. Band 3. Die Philosophie des Geistes. Mysl'*. (In Russian).
- Hogan, J. (1959). Hippodamus on the best form of government and law. *The Western Political Quarterly*, 12(3), 763–783.
- Mazza, L. (2009). Centenary Paper: Plan and constitution – Aristotle's Hippodamus: towards an “ostensive” definition of spatial planning. *Town Planning Review*, 80(2), 113–141.
- Mumford, L. (2001). *The Myth of the Machine*. Logos.
- Paden, R. (2001). The two professions of Hippodamus of Miletus. *Philosophy & Geography*, 4(1), 25–48.
- Savarenskaya, T. F. (1984). *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. Rabovladel'cheskiy i feodal'nyy periody* [History of Town-Planning Art]. Stroyizdat.
- Savchuk, V. V. (2022). *Zabor kak ravnovesie sil* [Fence as a Balance of Forces]. RKhGA.
- Struve, V. V. (Ed.). (2006). *The Epic of Gilgamesh*. Nauka. (In Russian).
- Vidal-Naquet, P. (2001). *Le chasseur noir. Formes de Pensées et formes de société dans le monde grec*. Ladomir. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 28.09.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 03.09.2023